АНДРЕЙ СМИРНОВ

ЗА НАС С ВАМИ

CORPUS

18+

Андрей Сергеевич Смирнов
За нас с вами

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74811916
За нас с вами : киноповести и эссе / Андрей Смирнов: АСТ: CORPUS; Москва; 2026
ISBN 978-5-17-190584-2

Аннотация

Андрей Смирнов – выдающийся режиссер и актер, писатель, публицист, знаковая фигура в кинематографе, мастер на все времена. В советский период создатель незабываемого “Белорусского вокзала” был на много лет лишен права снимать кино. Он сыграл более чем в пятидесяти картинах (Бунин в фильме “Дневник его жены”, Владимир в “Елене”, Павел Кирсанов в “Отцах и детях”) и вернулся в режиссуру лишь в 2011 году с фильмом “Жила-была одна баба” (премия “Ника” в 6 номинациях), за которой последовали “Француз” (“Ника”, 2019) и “За нас с вами” (“Ника”, 2024).

Уникальный режиссерский почерк Андрея Смирнова присутствует и в его текстах. “За нас с вами” – вторая его книга после сборника прозы и эссеистики “Лопухи и лебеда” (2016). В нее вошли сценарии двух последних картин, а также будущего, еще не снятого фильма “Время тревог”, статьи о кино, поэзии, живописи и фрагменты личных дневников.

Содержание

Прощание с читателем 5
Время тревог 7
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Андрей Смирнов
За нас с вами. Киноповести и эссе

Художник Андрей Бондаренко

© А. Смирнов, 2026
© Georges Nivat, послесловие, 2026
© Е. Белавина, послесловие, перевод на русский язык, 2026
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2026
© ООО “Издательство Аст”, 2026 Издательство CORPUS ®

Прощание с читателем

Прощай, читатель! Это моя последняя книжка – плоды работы минувших 10–12 лет, три сценария, два из которых успели стать фильмами, а третий, которым книжка открывается, боюсь, уже не станет (хотя руки по-прежнему чешутся), несколько важных для меня статей и, задающие тон всему изданию, отрывки из дневников, которыми я рискнул поделиться. Работа, если даст Бог, может, еще и случится, но книжек больше не будет – не тот возраст.

Да существует ли он – читатель, к которому ты обращаешься, особенный, твой читатель? Вопрос спорный, особенно если учесть, что книжка-сборник – всего вторая, если не считать опубликованных сценариев. Полвека тому назад, после семи режиссерских работ (трех – вдвоем с Борисом Яшиным и четырех самостоятельных) мне надоела толкотня с цензурой, то бишь с начальством, в которой я неизменно проигрывал. Я бросил специальность, которой меня учили во ВГИКе (как потом окажется, на тридцать с лишним лет). И твердо решил стать писателем, хотя бы профессионалом-сценаристом, стал учиться писать по-настоящему – заставил себя писать каждый день хотя бы по несколько страниц. Задумывался ли я тогда о читателе? Разумеется, нет. И все равно, коли ты сел писать, какой-то, пусть смутный, неосознанный образ читателя у тебя в подкорке тор-

чит. Какой же? Скорей всего, такой же угрюмый субъект, как сам автор, совок, вылепленный советской школой и пионерской дружиной, непременно такой же семейный, с женой и детьми, и потому вечно озабоченный проблемой – как заработать на хлеб для них без воровства и проституции, и в результате – пессимист, потенциальный диссидент и антисоветчик… Таков ли он на самом деле? Не имею понятия.

Потом, когда я стал опять снимать кино и вышла книжка "Лопухи и лебеда", возобновились встречи со зрителями, и я получал из зала вопросы о ней, а иногда подходили люди с просьбой ее надписать. А изредка приходили письма – редко, но тем драгоценнее – от того, кто видел фильм и прочел книжку. Значит, есть у меня свой читатель? Он существует, я его видел, говорил с ним. Каков он? По-прежнему понятия не имею.

Но хочу на прощание сказать всем этим добрым людям спасибо и пожелать здоровья и удачи.

Андрей Смирнов

Время тревог
Сценарий

В городском Дворце пионеров в Москве проходит всесоюзный слет. Здесь толпы детей от девятилетних до подростков, все в белых рубашках и красных галстуках, все толкаются и шумят. На лестнице тринадцатилетний Алеша Кутин пробивается в зал. Вдруг музыка смолкает.

На сцене звучат фанфары. Под грохот барабанов выходит пионерский отряд со знаменем. Старшая пионервожатая кричит в микрофон:

– К борьбе за дело Ленина – Сталина будь готов!

И зал дружно рявкает в ответ:

– Всегда готов!

Алеша чувствует себя растерянным. Все, что он видит вокруг, настолько прекрасно, так неожиданно. Тут еще грянул ансамбль Локтева:

Взвейтесь кострами,
Синие ночи!
Мы – пионеры,
Дети рабочих…

Зал увлеченно поет:

…Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера
“Всегда будь готов!”…

Алеша не выдержал и упал в обморок прямо в зале, его еще и вырвало. К нему пробивается одна из пионервожатых и рабочий. Они его поднимают и уносят…

Тридцатилетний Алексей просыпается и резко садится в кровати. Некоторое время он сидит неподвижно, глядя в одну точку. За окном прозрачный летний рассвет. Он встает, надевает брюки.

Лезет в шкаф, вытаскивает пакет кофе, там пусто.

На крохотной кухне хозяйка квартиры Петровна варит щи, рубит капусту. Ее племянник Василий, крепкий мужик в трусах, в углу пьет пиво. Алексей наливает воды в турку:

– Петровна, не займете пару ложек кофею?

– Дак мы ж его не пьем, не держим мы кофею… Ой, Леш, мне бы денежки за нонешний месяц прям сёдни, позарез…

– Пустой я, зарплата только в четверг…

– До четверга никак…

– Ну… займу где-нибудь… – бормочет он.

– У меня тама какава оставалася, – говорит Василий. – Хошь, бери пару ложек…

В комнате холостяцкий беспорядок, постель не убрана, горы книг и бумаг на столе и подоконнике. Он стоит у окна, смотрит на бульвар, жадно пьет какао и курит.

Академик Рощин, научный руководитель Алексея, вытаскивает из кипы бумаг его машинописную рукопись:

– В целом – недурно, я скорей доволен… Тема диссертации вас увлекла, чувствуется, что вам интересно… Это обещает некоторый уровень фундаментальности… Чаадаев-то откуда взялся? Он же не славянофил…

– Он настолько с ними связан… – нервно оправдывается Алексей. – И с Хомяковым, и с Аксаковым… Когда Аксаков надел армяк и ермолку, чтобы выглядеть как мужик, это же Чаадаев сказал, что народ принял его за персиянина…

– Вы помните, что я говорил об опасности темы? Мы рискуем, не забывайте! Славянофилы были подозрительны царскому правительству, но точно так же подозрительны они советской власти. Они прежде всего – православные, дворяне-помещики во-вторых и националисты в-третьих! А у вас в последнем варианте портрет Хомякова – просто какой-то восторженный панегирик…

Алексей угрюмо усмехается:

– Я нашел классную книжку Бердяева о Хомякове…

– А, вот где собака зарыта…

– Превосходный портрет Хомякова, да и Киреевского тоже… Бердяев вообще считает, что первая попытка нацио-

нальной философии в России – это славянофилы. Что первый лишний человек у нас – Чаадаев… По сути, это первое фундаментальное исследование славянофилов… Книжка двенадцатого года…

– А сейчас на дворе – шестьдесят восьмой… – хмуро тянет академик, встает, подходит к окну и смотрит на улицу. – Вот что я вам скажу, дорогой Алексей, не помню, как вас там по батюшке… Если вы собираетесь использовать Бердяева, лавочку мы закроем немедленно, прямо сейчас. Никакой диссертации не будет. И не ставьте меня в дурацкое положение!..

Он оборачивается к перепуганному Алексею. Лицо его побагровело, глаза блестят.

– Вы полагаете, что у парткома не хватит культуры установить источник цитат? Тельпугов недаром секретарь парткома! Он из вас посмешище сделает, а заодно и из меня. Уж как-нибудь с Бердяевым он разберется… Я вас предупреждал!

– Но ведь славянофилы все-таки первые объявили, что на русскую нацию самим Богом возложена особая миссия… – лепечет Алексей. – Этого у них никто не отнимет…

Рощин возвращается к столу и протягивает рукопись Алексею:

– Либо вы забираете рукопись и полностью избавляетесь от следов Бердяева, либо защиты не будет… Вопросы есть?

– Нет… – Алексей встает.

– Настоящий марксистский анализ – вот чего не хватает сегодня вашему тексту…

Рощин открывает шкаф, достает бутылку коньяку, наливает. Уютно усаживается в кресло и с наслаждением пьет.

– Надеюсь, вам известно, что Бердяева выслали на пароходе в двадцать втором году и он до смерти оставался одним из активных противников большевизма. В конце концов, вы же не ребенок… А вот марксистский анализ, я думаю, славянофилам только пойдет на пользу…

– Егор Алексеич, извините, ради бога… – мнется Алексей. – Нельзя ли у вас занять четвертной? До зарплаты…

Рощин с благодушным видом достает бумажник:

– Я, вообще-то, в долг не беру и не даю… Ладно, для вас сделаю исключение…

На кухне у родителей мать стоит у плиты, отец ест кашу и читает “Литературную газету”.

– Обедать будешь?

– Не, мам, дела…

– А овсянки не хочешь? Только сварила…

– Твоей? С наслаждением!

Алексей садится за стол, Елена Михайловна ставит перед ним кашу, кладет масло:

– Отцу нужно для желудка. Только размешай…

– Новости из Праги ловим?

– Откуда щас новости? – говорит Федор Николаевич, от-

кладывая газету. – Вестимо, из Праги… Следишь?

– Я больше по “Немецкой волне” и “Голосу”…

– Врагов слушаешь?

– Их, родимых… “Спидола” все-таки понадежней твоей “Литературки”.

– Как твои дела?

– Вроде все нормально… Если ничего не случится, в сентябре защита.

– Всё славянофилы? Неужели не скучно?

– Ни хрена мы не знаем своей истории. Я не ожидал… Оказалось – такие люди! Один мужик интересней другого… Хомяков, Самарин… – Алексей отодвигает пустую тарелку. – Мам, спасибо, вкусно, как всегда… Слушай, мне тут такая муть приснилась! Ты слет во Дворце пионеров помнишь? Это какой же год?

– Пятьдесят первый, наверное. – Мать закуривает и садится. – Еще бы не помнить! Такие страсти…

– Какие?

– Звонят из Дворца пионеров и сообщают: “Ваш ребенок лежит без сознания”! Я, пока доехала, чуть ума не решилась…

– Я же ничего не помню! Толпа в красных галстуках, ну запели… и всё! Еще помню, что домой мы ехали на такси…

– Да, такси в то время мы не могли себе позволить… Я приехала, ты уже пришел в себя… Лежишь белый как стенка. Врачиха сидит рядом… такая противная! “Что случи-

лось?" – спрашиваю. А она мне – с осуждением! – "Ваш парень слишком впечатлительный!". Я, значит, недоглядела… Ну, и про твой порок сердца я в первый раз услышала…

– Слишком впечатлительный? Это же значит – мудак… – невесело размышляет Алексей. – Батя, я забыл, я за книжкой… Мне Достоевский нужен для работы, на пару дней. "Дневник писателя", не то семьдесят шестой, не то седьмой год…

– Очень неприятно! – морщится отец. – Это же Томашевского издание, по нынешним временам – невероятная редкость. Выносить любой том из дому – опасно! Его же сто лет не издавали, Федор Михайловича, и когда еще издадут… Бери – только аккуратно…

Алексей встает, разворачивает сложенную газету, проглядывает заголовки:

– Тебе Дубчек нравится?

– Толковый парень, безусловно, – соглашается Федор Николаевич. – Установки его мне, конечно, близки… Мне кажется, ему не хватает осторожности… У него нет опыта провалов.

– Все равно кончится танками. – Алексей откладывает газету.

– Что ты несешь! – машет рукой мать.

– Ты все-таки придурок… – вздыхает отец. – Ты не понимаешь очевидных вещей. Сейчас не пятьдесят шестой год, ситуация совсем другая, чем была с Венгрией. Другие отно-

шения с Западом, более продвинутые…

– Дай бог, чтобы прав оказался ты…

В кабинете отца Алексей, стоя на стремянке у книжных шкафов, вытаскивает из собрания том Достоевского и изучает оглавление.

В Историческом музее Алексей с фотоаппаратом на груди шарит взглядом по стенам тридцатого зала, обращается к дежурной:

– Куда портрет Чаадаева делся? Вроде тут висел…

– В соседнем зале…

Он заходит в следующий зал и обнаруживает портрет Чаадаева на входе. Некоторое время он топчется, разглядывая его вплотную, отходит на несколько шагов, фотографирует.

Народу в музее немало – экскурсии школьников, парочки пожилые и помоложе. Вот перед Алексеем, ближе к портрету останавливаются две девушки – Настя и ее подруга Карина.

– Этот самый портрет, – объявляет Настя. – Очень приличный художник. Итальянец Козимо.

– Какой эффектный мужик, – качает головой Карина.

– От него бабы тащились, – подтверждает Настя. – Хотя громких романов мы не знаем. Ни разу не женат… Он вообще был пижон. Одевался по часу, выбирал сорочку… Пишут, что даже те, кто его терпеть не мог, при нем затыкались, боясь сморозить глупость…

Настя оглядывается и замечает взгляд Алексея, который к ней прислушивается.

– А он не голубой? – с опаской спрашивает Карина.

– Следов нет. Похоже, у него были проблемы с потенцией… Между прочим, Пушкин был еще пацан, а ему уже грозила ссылка в Сибирь, и достоверно известно, что Чаадаев по собственной инициативе пришел к Карамзину и убедил его вступиться за Александр Сергеича… В результате он вместо Сибири поехал в Кишинев, что все-таки намного теплее…

Она оглядывается и опять натыкается на взгляд Алексея.

– И откуда же вы все знаете про Чаадаева? – с улыбкой спрашивает он.

– Знаю… – Она улыбается в ответ.

Он подходит ближе:

– У девушек это редкость. Девушки редко знают что-нибудь толком…

– Почему это? – оскорбилась Настя. – Это мужики воображают! У меня диплом был “Пушкин и Чаадаев”, я этот портрет наизусть знаю!..

– Филфак?

– Он самый…

Они пьют кофе в кафе. Карина появляется из коридора и садится за стол:

– Мне придется вас бросить. Сережку на работе задержали, он требует, чтобы я съездила за Валеркой… Дайте я хоть

кофе допью…

Она целуется с Настей и уходит. Алексей останавливает официантку:

– Сто грамм коньяку и две рюмки…

– Мы будем пить коньяк? – с ухмылкой интересуется Настя.

– Ваша подруга покинула нас, как чуяла…

– Почему?

– Я собираюсь за вами ухаживать, – хмуро сообщает Алексей. – Вы мне нравитесь.

– Ну, что ж…

Он разливает принесенный коньяк и поднимает бокал:

– За легкомыслие, которое нас объединяет…

Они чокаются и пьют.

– Между прочим, – говорит Настя с иронией, – меня сроду никто не считал легкомысленной. А в университете я вообще проходила как "синий чулок".

– Это с вашей мордочкой – синий чулок?.. – усмехается Алексей. – Видно, крутые у вас были ребята… Вы мне лучше скажите: вы корреспонденткой Чаадаева занимались? Которой адресованы "Философические письма"? И что она из себя представляет?

– Московская барыня из хорошей семьи. Панова Екатерина Дмитриевна, насколько помню… Она, бедняга, умерла в сумасшедшем доме. Но отношения с ним прервались гораздо раньше. Письмо, на которое он отвечает, опубликовано,

хоть убей, не помню где…

– И что за документ?

– Как вам сказать… – Настя задумывается. – Полно чувств! Бурное женское письмо… По нему понятно, что уже в двадцать девятом году у нее серьезные психические проблемы… Практически законченная психопатка…

– Вот это и есть тот самый дом Левашёвой… – говорит Настя.

Они с Алексеем стоят на Новой Басманной.

– Вроде бы флигель, в котором жил Чаадаев, утрачен, его снесли… Сюда, в эту усадьбу, он перебрался в начале тридцатых и жил тут до самой смерти. Тут и помер в пятьдесят шестом…

– Могила вроде на Донском, – замечает Алексей.

– Отсюда и пёрли на Донское…

– Обыск здесь был?

– А где же! – оживляется Настя. – "Философическое письмо" опубликовано в "Телескопе" в конце сентября, а уже двадцать второго октября – меньше чем через месяц! – резолюция императора…

– "Прочитав статью… – с ухмылкой цитирует Алексей, – нахожу, что содержание оной – смесь дерзкой бессмыслицы, достойной умалишенного"…

– …И уже через шесть дней, двадцать восьмого октября, сюда нагрянули жандармы, перевернули весь дом, забрали

бумаги и рукописи, запретили писать и выходить на улицу, объявили сумасшедшим и приставили врачей…

– Почерк родной власти… Да, он с тех пор не поменялся.

– По легенде, первый же доктор, который смотрел Чаадаева, сказал: “Если б не моя семья, жена да шестеро детей, я б им показал, кто на самом деле сумасшедший”…

Они идут вверх по Басманной к метро.

– Замужем? – интересуется Алексей.

– Конечно…

– Почему “конечно”?

– Потому что нормальной девушке в моем возрасте полагается быть замужем…

Алексей останавливается, закуривает.

– Я так не думаю… – говорит он угрюмо. – Дети есть?

– Слава богу, нет… А у вас?

– Дочке девять лет… А почему “слава богу”?

– Потому что роман давно потух…

Алексей опять останавливается и недоуменно смотрит на Настю:

– Зачем же вы с ним живете?

– А что я, по-вашему, должна делать? – с раздражением спрашивает Настя.

– Рвать, разумеется!

Они идут дальше.

– Этого я не понимаю, – бормочет он. – У меня роман

потух – я тут же ушел…

– Какой скорый… – угрюмо говорит Настя. – Ладно… До свидания!

Она сворачивает с тротуара и переходит улицу. Он ловит ее за локоть посереди мостовой:

– Зачем же вы уходите? У нас только стал складываться нормальный разговор!

– Какой с вами может быть разговор! – рявкает Настя.

Им сигналят машины, он тянет ее к тротуару:

– Я вас прошу, не уходите!..

Алексей работает за машинкой. Босой, в брюках и майке, вытаскивает из кипы книг, наваленных на столе, журнал "Русская беседа", находит нужную цитату, перепечатывает. В комнате привычный беспорядок, неубранная постель.

На кухне Петровна раскатывает тесто и разговаривает с молодым человеком в галстуке с портфелем. Появляется Алексей, берет турку, наливает воду, засыпает кофе, ставит на огонь.

– …С ним все нормально, с жильцом вашим, – сообщает молодой человек.

– Дак не жилец он, Васька, а племянник родный, – объясняет Петровна. – Сестры покойницы сынок…

– Разобрался я с ним… А вас когда ждать?

– В воскресенье? Агитпункт в школе?

– Как всегда…

– Мы с утра пораньше явимся, – благодушно объявляет Петровна. – Мы откладывать не любим.

– И правильно! – подхватывает молодой человек. – Проголосовал – и весь день свободен… Извините, – обращается он к Алексею, – а вы здесь прописаны или в другом месте?

– Вам какое дело? – бурчит Алексей.

– Это мой участок, я здесь агитатор…

– Вот и занимайся своим участком…

Алексей забирает турку и уходит в комнату.

Он печатает на машинке. Делает глоток кофе, закуривает, продолжает печатать. В дверь стучат.

На пороге агитатор:

– Вы голосовать будете по месту прописки или у нас?

Алексей встает:

– Чё те надо?

– Мне надо, чтоб у меня на участке порядок был.

– Ты в агитаторы нанимался? Или в стукачи?

– Вы не пойдете, что ли, голосовать?

– Какой ты умный! – усмехается Алексей. – Я еще не совсем треханутый, из одного выбирать одного…

Агитатор секунду смотрит на него и скрывается за дверью. Алексей садится за машинку. Печатает некоторое время. Вдруг поднимает голову:

– Да пошел ты!..

И стучит по клавишам.

Алексей звонит в дверь. Открывает Женя, муж Юли.

– Привет! Я заходить не буду… Где там Ольга?

– Юля, это Алексей… – кричит Женя, уходя в комнату.

Алексей стоит у перил. Появляется Юля, его бывшая жена:

– Щас, она одевается… Слушай, путевку предложили с первого июня, лагерь, говорят, очень хороший, на Волге, под Саратовом. И тетка там знакомая, она за ней приглядит… Деньги нужны прямо щас, двадцать четыре рубля…

– Не получится… – угрюмо бормочет он. – Негде взять. Сегодня восемнадцатое?

Выходит девятилетняя Оля в нарядной блузке:

– Привет, пап…

– Сегодня девятнадцатое, воскресенье, – говорит Юля.

– К первому июня деньги будут точно, буквально в последние дни мая… Перехвати где-нибудь…

– Где? – невесело спрашивает Юля. – Только не забудь…

Дверь за ней захлопывается. Они спускаются на один пролет. Алексей поднимает на руки девочку и целует в обе щеки:

– Здравствуй, дочка!..

– В зоопарк? – спрашивает Алексей. – Может, в Парк культуры?

Они идут по Гоголевскому бульвару.

– Пошли в кино, пап! – просит Оля. – “Мертвый сезон”!

Говорят, классная картина…

– А где идет?

– В “Художественном”.

– Да запросто! Мы – свободные граждане свободной России… Тем более это рядом…

В “Художественном” они выходят из очереди с билетами в руках.

– Сеанс – только в семь, – озадаченно говорит он. – Ты будешь дома в десятом часу… А куда деться до этого?

– В зоопарк! – разводит руками сияющая Оля.

– Пошли пешком…

На площади он покупает эскимо у мороженщицы дочери и себе.

В темном подъезде Алексей достает ключи и заходит в квартиру. Кто-то окликает его из кухни:

– Алешка…

Со стула поднимается его отец Федор Николаевич.

– Папа?! Что случилось?

– Ты мне нужен.

– Мать в порядке?

– Все нормально. Пошли к тебе… Мне надоело тут сидеть.

– Ты давно тут?

– Час с четвертью… Я уже испугался, что ты не явишься. Я вчера ждал, что ты позвонишь, но ты не соизволил.

– У меня был тяжелый день.

Они заходят в комнату. Алексей зажигает свет. Постель убрана, книги в прежнем беспорядке.

– Чаю? Кофе?

Отец садится и закуривает, сын приносит пепельницу.

– Тебе известно, что сегодня – выборы?

– В общем, да.

– Ты голосовал?

Алексей качает головой.

– Почему?

– Что, мы сейчас будем это обсуждать?

Федор Николаевич сокрушенно опускает голову:

– Ты вроде неглупый малый… А иногда мне кажется, что ты просто придурок…

– Ты пришел мне это сообщить?

– Десять минут одиннадцатого… Мне нужно, чтобы ты немедленно поехал в агитпункт по месту прописки и успел проголосовать. Агитпункты работают до полуночи…

– Зачем?

– Ты понимаешь, что означает в моем возрасте лишиться работы? – говорит он угрюмо.

– Ты хочешь сказать, что тебя могут уволить из-за меня?

Отец вдруг багровеет и вскакивает.

– Мне звонили! – кричит он, потрясая руками. – И дали понять недвусмысленно!..

Он едет в троллейбусе по бульварному кольцу.

Компания подвыпивших парней с гитарой толпится у двери, шумит, поет, хохочет. Они вываливаются на остановке, и в троллейбусе становится тихо и пустынно. Одинокая тетка сидит впереди. Алексей сзади, там, где можно вытянуть ноги.

За окошком проплывают редкие огни.

В школьном здании, где помещается агитпункт, навстречу Алексею попадается мужчина в костюме с галстуком, который тащит гору папок. Он останавливается и с осуждением говорит ему:

– Мы, между прочим, закрываемся через двадцать минут…

По коридору, украшенному плакатами, расставлены столы с буквами алфавита, за которыми сидят тетки. Алексей подходит к столу с буквами “К – М”, достает паспорт. Толстуха делает запись в одной папке, достает другую, пишет.

В центре зала красуется открытая урна для голосования и задрапированная кабина. Посетителей нет, за одним из столов что-то рассказывает барышне хмельной мужик в грязном строительном комбинезоне.

Наконец Алексей получает два бюллетеня. Проглядывая их, он идет к урне, вдруг останавливается, присаживается за ближайший стол и что-то вписывает в бюллетень. Подходит к урне, оглядывается – оказывается, все взгляды устремлены

на него.

Он сворачивает в сторону, заходит в кабину и задергивает занавеску.

В телефонной будке на улице он набирает номер:

– Маркуша, ты? Не спите? Я загляну к вам…

Его друзья Марк и Аня встречают его у дверей:

– Что случилось?!

– Ровным счетом ничего, не волнуйтесь… Водка есть?

– Разумеется…

– Нальете? Я буквально на полчаса…

На столе салфетка, перед Алексеем – графин с водкой, семга.

– …Отца можно понять, – говорит Марк, – конечно, перепугался! Чего ты хочешь? В его возрасте остаться без работы – значит, перед государством ты вообще голый, без защиты… Чего ты лезешь на стенку? Ну проголосовал – и забыл! Кто тебе это поминать будет?

– Ты бы выпил со мной…

– Не буду, – морщится Марк. – Вставать рано…

– Ты же у нас художник свободный! Или в контору устроился?

– Конференция международная в Институте генетики… Переводить целый день…

– Синхронный перевод? А платят по-прежнему прилично?

– Вполне… – Марк приносит и кладет перед Алексеем новую книжку. – Вот книжка вышла…

– Дэвид Аттенборо… – читает Алексей. – "Под тропиком Козерога"… Это уже с английского? Опять путешествия?

Марк печально усмехается:

– Я бы с наслаждением перевел пьесы Сартра. Или "Носорога" Ионеско… Но кто же мне даст?

– Не дают?

Из спальни появляется встревоженная Аня:

– Боюсь, девчонка бы не разболелась. Чего-то она горячая…

– Разбудить и померить, – советует Марк.

– Ладно, авось до утра дотянем. – Она садится за стол к мужчинам. – Леша, дай мне тоже сигарету…

Алексей с удовольствием угощает ее, подносит спичку:

– Ну что, Анюта? Чего новенького у нас в биохимии? Как вы вообще живете, граждане?

– Какие у нас могут быть новости? – пожимает плечами Марк. – Текучка обывательская…

Аня смеется:

– Ну как же! Маркушу начальником чуть не назначили!..

– В журнале?

– Слушай ты ее больше… – посмеивается Марк. – В журнале… Редактор вызвал, а редактор, если помнишь, у нас

грузин…

– И грузин очень приличный…

– Ну, вот… Говорит, хотел тебя своим заместителем назначить. Выяснилось, что еврей, да еще беспартийный – мне не по зубам… Либо тебе в партию вступать, либо менять пятый пункт анкеты…

– И что ты выбрал? – с ухмылкой спрашивает Алексей.

– Национальность поменять, конечно, никто не мешает… А вот в партию как-то не тянет…

– Не хочешь в партию? – смеется Алексей.

– Сам иди!

Алексей наливает себе рюмку:

– На службу ты не ходишь, книжки у тебя выходят, синхрон тебя хорошо кормит… Да ты у нас барин!

– Это правда… При этом я никогда не забываю про свой пятый пункт…

Алексей задумывается:

– Мне кажется, ты преувеличиваешь…

– Ничуть.

– Ты неправ, – вмешивается Аня. – Тебе это просто незнакомо… Вот я работаю в Институте Вишневского, и никакого антисемитизма там не ощущаю. Евреи работают так же, как русские. И кандидатскую защищала без всяких проблем… Но при этом я, как и он, про свой пятый пункт не забываю ни на секунду…

– По-моему, вы оба преувеличиваете…

– Маркуша, я бы рюмку выпила, – говорит Аня, и Марк встает. – Мы с сестрой росли, когда отец сидел в лагере. Мы были дочки врага народа. Квартира была, конечно, коммунальная, но ничего, жили нормально. И во дворе нас не обижали… Когда отец вышел, он не уставал напоминать нам про рамки, в которых нам предстоит существовать. Я, например, твердо знала, что в мединститут стоит поступать, только если я закончу школу с медалью…

– Ну, получилось же…

– Ну, пришлось, с золотой… И по гимнастике спортивной у меня был первый разряд… В общем, в институт меня взяли без проблем.

– Хватит вам про евреев. – Марк ставит две рюмки на стол, наливает. – Ты бы лучше про себя чего-нибудь толковое рассказал…

Алексей опускает голову:

– Еще никогда я не чувствовал себя таким дерьмом…

В комнате привычный беспорядок, Алексей в майке и трусах, лежа на неубранной кровати, листает Достоевского и что-то выписывает. В дверь просовывается Петровна:

– Леш, там тебя какая-то девка спрашивает…

– Какая девка? – пугается он.

Он вскакивает и натягивает брюки.

На площадке у дверей стоит Настя с сумкой на плече.

– Это вы! – расплывается в улыбке Алексей. – Здрасте! Я

как раз завтра собираюсь в Измалково, усадьбу Самарина… Могу взять с собой!

– С удовольствием! К себе-то позовете? Или так и будем тут стоять?

– Заходите, – говорит он озадаченно и распахивает дверь. – Только у меня не убрано…

Они проходят мимо кухни, Петровна, две соседки и Василий повернулись и смотрят на них. В комнате Настя скидывает тяжелую сумку и ставит на пол, оглядывает комнату:

– Снимаете?

– Куда деться… Чего это вы нагружены?

Она пожимает плечами:

– Это мои вещи…

Взгляд Алексея становится угрюмым.

– Так вы пришли ко мне… с вещами?

– Мне показалось, что вам этого очень хочется…

– Вы не ошиблись… – бормочет он.

– Да вы не волнуйтесь, – говорит Настя, хмурясь, – я на вокзале ночевать не собираюсь. Мне есть где прислониться…

На его лице медленно появляется улыбка.

– Так вы ушли из дому?

– По вашему, между прочим, совету…

– Ну что ж… Располагайтесь.

Она выжидающе смотрит на него. Он подходит к ней, склоняется и целует в губы. Она отвечает на поцелуй.

В людном тамбуре электрички Алексей и Настя курят, она рассматривает фотографию.

– Посмотри, какое лицо, глаза какие! – говорит Алексей. – Он все знает про эту жизнь…

С фотографии смотрит человек с темной бородой и пронзительным взглядом.

– Этот самый Самарин?

– Замечательный мужик, умный, порядочный, блестящий… На мой вкус, даже Хомякова затмевает. За десять лет до отмены крепостного права пишет, что рабство – это позор России, что крестьян надо освобождать, и освобождать с землей…

– Я о нем ничего не слыхала… – Настя отдает снимок, Алексей его прячет.

– А кто слыхал? Кто сегодня хоть что-нибудь знает про славянофилов? – сердито говорит он. – Да их давно сдали на помойку!

Поезд тормозит.

– А какие это были люди! Аксаков, Киреевский, Чижов!.. Один оригинальней другого…

– Ну темперамент! – восхищается Настя. – Сразу хочется целоваться…

В Переделкине двери открываются. Они выходят в толпу на перрон и целуются.

Они идут вдоль шоссе, переходят мостик через речку Сетунь.

– Вон там, справа, – могила Пастернака, – показывает Алексей. – Слева – писатели сидят и пишут, Дом творчества. А это речка Сетунь…

– Ты лучше про Самарина! – просит Настя.

– “В мужиках же только барин, Юрий Федорыч Самарин…” – цитирует, ухмыляясь, Алексей. – Это же Огарев, ближайший друг Герцена, западник, а Самарин – славянофил. Они хоть и дружили, в гости ходили друг к другу, но не согласны были ни в чем, кроме крепостного права, которое надо отменять… А Самарин в сорок девятом году в тюрьму угодил, в Петропавловскую крепость…

– За что?

– Написал книжку “Письма из Риги”. Император ее прочел и взбесился, заявил, что Самарин ссорит его с немецкими помещиками. Он два года сидел в Риге как чиновник. А там крестьяне-латыши, стараясь хоть немного вырваться из-под палки немецких баронов, стали переходить в православие. И Самарин их поддержал…

– И долго он сидел в Петропавловке?

– Не очень. Двенадцать дней. Его отвезли в Зимний, в кабинет Николая. Тот выругал Самарина и отпустил, отправил в Симбирск…

– Немедленно поцелуй меня…

Они гуляют по тропинкам в парке Измалкова под вековыми липами.

– Господи, как здесь хорошо! – вздыхает Настя.

– Ты дышишь тем самым воздухом, которым дышал Самарин, – хмуро говорит Алексей. – Ему здесь нравилось… В сороковые годы он здесь сидел безвылазно. Гостей принимал. Кто здесь только не бывал! Хомяков, Аксаков, но и Чаадаев и вроде Лермонтов. Они дружили… Этот парк посадили помещики. И Самаринский пруд, который мы сейчас увидим, тоже устроили помещики, запрудили речку Переделку – и вот он, пруд…

Они выходят на берег пруда.

– Прелесть… – говорит Настя. – А искупаться здесь можно?

Из-за поворота появляется человек с бородой и здоровается с Алексеем.

– Раз вы здесь, значит, продолжаете заниматься Самариным?

– У меня защита только в сентябре, – подтверждает Алексей. – Настя, познакомься, это Борис Аркадич, историк и, в частности, специалист по Самарину… Я хотел вас спросить… Тот факт, что Самарин и Кошелев практически участвовали в реформе, мне известен. Но некоторые уверены, что даже черновики государева манифеста о реформе написаны рукой Самарина…

– Документов, подтверждающих это, у нас нет, – усмеха-

ясь, говорит историк. – Но достоверно известно, что государю императору Александру Второму нравилось, как пишет Самарин…

– Это важно… – кивает Алексей. – И еще… Правда ли, что после революции крестьяне деревни защищали помещичье семейство?

– Правда… Комаровские – это были законные наследники, Варвара Самарина вышла замуж за художника Владимира Комаровского. Их тут же выкинули из господского дома и хотели выкинуть из деревни, но мужики не дали. Им оставили комнату во флигеле, и они там ютились несколько лет, огород копали… Мужики их защищали и даже подкармливали. В архиве есть обращение в сельсовет по поводу Комаровских, подписанное деревенскими…

Историк прощается и уходит. Настя стоит и смотрит на пруд. Алексей садится на берегу.

– Могу я искупаться? – спрашивает Настя. – Никого же нету…

Он закуривает. Настя раздевается, складывает платье на траву. Ныряет с берега в воду и плывет умелым кролем.

Он смотрит, как она плывет.

За окном ночь. В комнате за машинкой сидит Настя в халате и в чалме из махрового полотенца и безостановочно печатает. Алексей в трусах и майке, сидя на кровати, делает выписки из Достоевского. Он смотрит на часы и откладыва-

ет ручку:

– Третий час… я больше не могу. Спать хочу, умираю…

– Ты не можешь спать под машинку?

– Ты собралась до утра сидеть?

– Мне статью сдать – кровь из носу…

– А много еще?

– Да половину…

Он встает, кладет книгу и блокнот на подоконник. Стоит у Насти за спиной, глядя, как она печатает. Берет в руки листы Настиной рукописи, смеется:

– Не могу привыкнуть… Почерк первачки. Каллиграфия…

– Я школу кончила с серебряной медалью… – усмехается Настя.

– Это то самое интервью? С метростроевским начальником?

– Знаешь, он оказался совсем не дурак…

– Ну разумеется! – Алексей корчит надменную физиономию. – Журнал "Огонёк" – известное прибежище интеллектуалов…

– Я там четвертый год работаю, – с обидой говорит Настя. – И между прочим, "Огонёк" – совсем не так плохо, как ты воображаешь…

На сковородке жарятся помидоры. На пустынной кухне Алексей в трусах и майке разбивает над сковородкой три яй-

ца.

Яичница с помидорами шипит на сильном огне.

Машинка отодвинута, перед Настей стоит сковородка, на тарелке хлеб и вареная колбаса. Настя уплетает яичницу.

– А чего ты себе вилку не взял?

– Зачем? Все равно спать…

Алексей хватает кусок колбасы и ныряет в постель.

В парткоме института уборщица Валька метет пол у письменного стола, секретарь парткома Тельпугов расхаживает по кабинету в ожидании.

В дверь заглядывает Алексей:

– Здрасте, Виктор Иваныч. Мне сказали зайти в партком…

– Сейчас, Валентина закончит, мы поговорим… Как дела?

– Защита в сентябре. – Он пожимает плечами. – Готовлюсь…

Закончив, Валька собирает веник, ведро и швабру и выходит. Тельпугов присаживается к столу, жестом сажает Алексея:

– У вас какие-то проблемы с выборами? Слух был, что вы чуть ли не отказываетесь голосовать…

– Брехня. – Алексей напряжен. – Пошел, проголосовал, как все люди…

– Мы проверим, конечно… В чем же дело?

– Да ради бога… Голосовал по месту прописки. А там, где я живу, я комнату снимаю, агитатор оказался скотиной.

– То есть? Разъясните…

– Я не пожелал слушать ерунду, которую он несет, а он, похоже, написал донос…

– Ладно, мы разберемся. Вы свободны.

Алексей встает, усмехается:

– Я думал, что-нибудь по диссертации…

– Ждем… – разводит руками Тельпугов. – Хотя тема-то у вас, конечно, с душком…

– Почему это? – встревожился Алексей.

– Славянофилы! Ну что мы сегодня можем взять у славянофилов? Помещики и националисты… Да еще из каждого угла протухшим православием тянет… Гнилая их философия!

– Но ведь они все-таки первые объявили, что у русской нации особая роль в мировой истории… – робко возражает Алексей.

– Какая? Донести православие до готтентотов? Им и в голову не могло прийти, что эта самая нация через сто лет будет строить коммунизм…

Алексей и Настя гуляют по ночной Петровке. Они останавливаются у витрин ЦУМа напротив дома, соседствующего с Большим.

– Это дом Хомякова, – говорит Алексей. – Он его реста-

врировал, Алексей Степаныч…

Он лезет в заплечную сумку, достает связку фотографий:

– Вот он, полюбуйся, какая физиономия…

На фото человек с потерянным болезненным взглядом.

– А почему такой трагический взгляд?

– Жена умерла в тридцать четыре года, он так и не очухался… Но жили они не тут, а на Собачьей площадке…

– Где это?

– Там теперь Калининский проспект… От их усадьбы следа не осталось…

– Поэт он, по-моему, средний, Хомяков, – размышляет Настя. – А что за человек?

– Человек замечательной душевной цельности… Да и поэт недурной… "…В судах черна неправдой черной и игом рабства клеймена, безбожной лести, лжи тлетворной, и лени, мертвой и позорной, и всякой мерзости полна!" Это ж он к России, своей любимой, обращается… Призывает очиститься от грехов и стать орудьем Бога…

– Чем же он такой замечательный?

– Никогда не служил, в отличие от Самарина, сидел в деревне. Школы строил, мужиков лечил. И помер-то, заразившись от мужика… Воевал, правда, с турками в конце двадцатых, за храбрость орденом наградили, блестящий был офицер… Главный славянофил, с их немыслимой верой в святость крестьянской общины…

– Я устала, – вздыхает Настя. – Присесть бы где-нибудь…

Они сидят на ступеньках Большого театра. Алексей достает из сумки бутылку, ладонью вышибает пробку.

– А почему не шампанское? Ты закончил диссертацию! Это же событие!

– Слишком шикарно, – объясняет Алексей. – Главное – обмыть. А шампанское будет после защиты… – И протягивает бутылку Насте.

– Ну, поздравляю! – Настя целует его, отхлебывает из горлышка и кривится: – Какая все-таки гадость – портвейн…

– Интеллигентские предрассудки! – Он забирает у нее бутылку и пьет. – Портвейн – это эликсир нашей жизни и творчества! Коньячку выпить за славянофилов – я пока не заработал… Ну, помоги, Господи, крестьянской общине и мне заодно!

Настя смеется:

– А откуда у них такая большевистская вера в коллектив?

– У Хомякова это особый случай, дай расскажу… Во времена Екатерины жил под Тулой барин по фамилии Хомяков Кирилл Иваныч. Богатый – деревни тульские, имение в Рязанской губернии, дом в Петербурге… Жена померла, дочка тоже, никого у него нет, ему помирать – а наследников нету. Собрал он мужиков на сходку, дал адреса родичей: “Ступайте и выберите себе барина по вкусу – лишь бы был из Хомяковых”. Ходоки ушли, вернулись и выбрали сержанта гвардии Хомякова Федора Степаныча, молодого парня, совсем

не богатого. Это был прадед нашего поэта. Старик позвал его к себе, завещал ему всю собственность и спокойно помер. Поэтому наш Алексей Степаныч свято верил в мудрость народной сходки, он считал, что это народ поручил ему владеть землей…

– Занятно… – Настя забирает бутылку и делает глоток. – А как же со столыпинской реформой?

– Да ведь она направлена как раз против общины! Чтобы мужик вышел из этой самой общины и стал собственником земли, хозяином! Славянофилы были бы против. Это их самое слабое место… Они считали, что конкуренция, свободный рынок – это не для России! Они были уверены, что на свободном рынке русские люди друг другу глотки перережут!..

– Так им бы и колхоз понравился? – с ухмылкой интересуется Настя.

– Все может быть… Что такое крестьянская община по-советски, по-нашему? Собрание колхозников…

Алексей идет по Цветному бульвару. Около цирка расхаживает милиционер. Алексей останавливается в раздумье и, поколебавшись, усаживается на скамейку. Милиционер окидывает его скучающим взглядом и отворачивается. Алексей закуривает, смотрит по сторонам.

От остановки трогается автобус, пассажиры расходятся, задерживается человек с портфелем, смотрит туда, где сидит

Алексей, и уходит вдоль тротуара. Это книжный спекулянт Митрич.

Алексей переходит улицу и догоняет его:

– Привет… Из-за мента, что ли?

– Он меня знает, сучонок… Да щас на двор зайдем…

– Чё принес? Бердяев?

– Щас увидишь…

Они сворачивают во двор. Митрич зорко оглядывает местность и идет к детской площадке. Усевшись, достает из портфеля сверток:

– Просил Бердяева – на!

Книжка завернута в газету. Алексей приоткрывает титульный лист: Николай Бердяев "Смысл истории".

– Я просил "Истоки и смысл русского коммунизма".

– Я тебе русским языком сказал – даже пытаться не буду.

– Почему?

– Потому что опасно. Я туда не хочу, я там уже был… Не берешь? Можешь не брать…

– Сколько?

– Пятнадцать.

– Почему так дорого?

– Потому что он – дорогой. Хрен с тобой, тринадцать! Меньше никак не могу…

Алексей сокрушенно качает головой, прячет книгу и лезет за деньгами. Митрич их пересчитывает.

– Шестов будет через недельку… Интересует?

– Не могу… – разводит руками Алексей. – Бабок нет и не предвидится…

В передней у Марка Алексей представляет Настю:

– Это она… Звать Настей.

– Очень приятно…

Марк усаживает их. Из дальней комнаты машет Аня, она занимается с десятилетней дочкой.

– Выпить хотите?

– Не могу. Мне еще работать сегодня.

– Вообще-то, у нас – сумасшедший дом… – вздыхает Марк.

– Что случилось?

– Она хочет уезжать.

– Куда? В Израиль?

– Выпускают только в Израиль. Для воссоединения семейств…

– У вас же там никого нету! С кем вам соединяться?

– Ты представляешь? Я должен все бросить и начинать сначала! На чужом языке, в чужой стране…

– Ты справишься, – усмехается Алексей. – Я в тебя верю…

– Я на стенку лезу! А ее заклинило… Моя проблема в том, что я не собирался с ней разводиться. Это не входило в мои планы…

Оба смеются, Настя улыбается. Приходит Аня и протягивает руку Насте.

– Знакомься, Анюта, это Настя, – рекомендует Алексей. – Не мог ее к вам не привести…

– А чем занимается Настя, если не секрет? – интересуется Марк.

– Настёна у нас – твоя коллега, – объявляет Алексей. – Журналист, служит в “Огоньке”.

– Что ж, “Огонёк” – не самое плохое место…

– Вот видишь! – обрадованно говорит Настя. – А ты только хаешь…

Аня берет сигарету и спрашивает:

– Он тебе сказал?

– Прямо с порога встретил… А ты не спятила?

– Это – как вам угодно… Я здесь в любом случае не останусь.

– Чего тебя вдруг накрыло?

– Да, повод самый бредовый. Женька Соломатина звонила, ты ее знаешь… “Хочешь в Японию съездить?” А я вдруг обычные правила позабыла… Ну, в Японию так в Японию, почему не съездить? Оказалось – делегация советских женщин на какой-то конгресс. Ну, собралась… Тут Женька опять звонит, извиняется: “Тебя из делегации в последний момент выкинули”. Еврейка!

– Им это было неизвестно? – с восторгом спрашивает Алексей.

– А я вдруг завелась. Надоело… Не хочу больше быть человеком второго сорта…

– Вот прищемило ее, – усмехается Марк.

– И правильно, – говорит Алексей печально. – Анька, ты мне всегда нравилась, с первого дня… Нравилось, что ты была не только баба, но еще и человек. Ты им осталась. Я убежден, что таким, как ты, должно, обязано везти!

– Ты поняла? – спрашивает довольный Марк.

Аня смутилась.

– Спасибо… – бормочет она и спрашивает Настю: – А у вас – роман?

– Ну вроде…

– Удачи вам…

В буфете института – редкие обедающие, в уголке три девушки шепчутся и прыскают от смеха. В другом академик Рощин пьет кофе и ест пирожное. В дверь заглядывает Алексей:

– Здрасте, Егор Алексеич! Мне вас подождать?

– Да присаживайтесь…

Он садится на краешек стула. Рощин сосредоточенно откалупывает кусок пирожного и отправляет в рот.

– Ну, что ж… Я прочел. Неплохо… Думаю, пора отправляться в плавание. Защиту на вторую декаду сентября…

Алексей весь подобрался:

– Спасибо…

– За что “спасибо”? – улыбнулся академик. – Марксистский анализ в целом – недурной, хотя остроты ему, строго

говоря, не хватает. Все равно Хомяков и особенно Самарин – ваши лирические герои… Мысль о том, что славянофилы остаются недооцененными в советскую эпоху, повторена у вас, если не ошибаюсь, трижды… Это надо убрать.

– Два, конечно, уберу, а третий оставлю, – с усмешкой говорит Алексей. – Ничего же крамольного…

В буфет заходит Тельпугов, секретарь парткома. Поздоровавшись с Рощиным и кивнув Алексею, он проходит к стойке. Академик, помрачнев, смотрит ему в спину.

– Вот о ком надо помнить, готовясь к защите. Он к моим подопечным относится с особым подозрением и не раз пакостил, – говорит он с усталым видом. – Должен сознаться, что ваши попытки вернуть Самарина в число героев нашей истории все равно отдают Бердяевым…

Алексей с Настей сидят в ресторане. Официант открывает бутылку шампанского, наливает. Гремит музыка, молодежь танцует.

– Ты чего-то кислая сегодня, – говорит Алексей, поднимая бокал.

– Знаешь, у меня какой-то застарелый психоз – в день рождения я всегда чувствую себя идиоткой…

– Это, между прочим, известный признак ума! – Он смеется.

Они целуются, чокаются и пьют.

– Чего тебе не хватает? – спрашивает он. – Погоди, прой-

дет защита, я какие-то деньги получу, можем в Сочи на недельку смотаться…

– Дикарями?

– А как еще? На гостиницу у меня, пожалуй, не хватит. Жрать же еще нужно…

– Прекрасно обойдемся! На солнышке хоть немножко погреться…

– Настёна, ты? – За спиной Насти возникает толстяк и чмокает ее в щеку. – Здорово! Прекрасно выглядишь!

– Славка! – улыбается Настя. – Здравствуй, старик! Знакомься, это Алексей…

Молодые люди здороваются.

– Ребята, вы тут давно гуляете? Хорошо здесь? Я тут первый раз…

– Да мы тоже… – пожимает плечами Алексей.

– Ладно, я еще подойду… – Так же стремительно парень исчезает за танцующими.

– Это Славка Комаров, учились в одной группе. Правда, недолго, выперли его, – рассказывает Настя. – Вообще-то, он фарцовщик, причем такой серьезный фарцовщик, вещи хорошие. Танцует шикарно, между прочим…

– Какие у тебя интересные знакомые… – с ухмылкой замечает Алексей, наполняя бокалы. – Давай просто за тебя выпьем…

Настя послушно осушает бокал. Она кажется озадаченной.

– И всегда в этот день я чувствую свою какую-то неполноценность… – говорит она беспомощно. – Что-то в этой жизни не так устроено, неправильно…

– Что именно? – спрашивает Алексей с искренним недоумением. – Красивая девка, мужики пялятся, пишешь вроде неплохо… Чего тебе не хватает?

– Нет, скажи… Я всегда была приличная девочка – не врала, никого не обманывала, родителям правду говорила… И что толку? На моей жизни это никак не сказалось – те же неудачи, те же проблемы… Или вот я вижу некрасивую девку – мне ее сразу жалко, я представляю, как ей тяжко приходится. Я сразу думаю, как ей помочь, облегчить жизнь… Но ведь они все, некрасивые, – они же меня ненавидят, уверены, что я – дрянь, и с удовольствием устроят…

Подскочивший толстяк кивает Алексею:

– Разрешите пригласить вашу девушку…

Настя встает и уходит со Славой, они скрываются в танцующей толпе. Музыка играет твист.

Алексей заказывает официанту сто грамм водки и еще бутылку шампанского. За спинами танцующих то прячутся, то открываются Настя и Слава, видно, как ловко и изящно оба вертятся на одном месте.

Музыка кончается, танцоры расходятся. Настя порывается уйти, но Слава удерживает ее, что-то говорит. Она оглядывается на Алексея.

Официант приносит шампанское и графин. Раздается

грохот рок-н-ролла. Площадка заполняется парами.

Алексей пьет водку и смотрит на танец. Настя и Слава танцуют настоящий рок – сходятся, расходятся, он подхватывает ее, переворачивает в воздухе, ставит на пол. Постепенно пары уступают им пространство, они как бы солируют. Вместе с концом музыки раздаются аплодисменты.

Настя подходит возбужденная, падает в кресло и хватается за шампанское.

– Ну ты завелась… – замечает Алексей.

– Да я забыла, когда танцевала… Как вкусно! Обожаю полусладкое… – Она протягивает бокал, Алексей наливает. – Почему вдруг так хочется праздника? – Она растерянно смотрит на него. – Ни с того ни с сего…

– Ребята! – Подошедший Слава берет стул и присаживается к столу. – Пацаны предлагают ехать в кафе “Медведь”. Это по соседству с Клубом Горбунова, у Киевского… Там парни из джаза Лешки Зубова настоящий рок лабают, там дансинг! Можем оторваться… Поехали, Настёна! Машина есть – нас трое, вас двое, все поместимся!

Глянув искоса на Алексея, Настя кивает Славе:

– Ну… Щас решим…

– Ждем! – Он вскакивает и уходит.

Настя ждет. Алексей молча смотрит на нее. Она не выдерживает:

– Ну что?

– Я никуда не поеду, – говорит Алексей.

– А почему так сурово? Я что, провинилась? – Она разозлилась. – Ну, я хочу танцевать… Не валяй дурака! Чего ты нахохлился?

Он молчит, уставясь себе под ноги.

– Ты со мной не разговариваешь? Тогда я поехала…

Она берет сумку и уходит.

– Еще сто грамм, пожалуйста, и счет, – говорит Алексей официанту.

Он видит, как она разговаривает с двумя парнями, стоящими у стола, а третий расплачивается. Они уходят все вместе, Настя оглядывается в дверях и исчезает.

Алексей сидит в переполненном вагоне электрички. За окном гаснет закат. Он встает и пробирается в набитый народом тамбур. Поезд останавливается в Малаховке. Здесь выходит целая толпа.

Он спускается с платформы и сворачивает на тропинку. Люди расходятся, разговоры стихают. Он идет по дачному поселку в полном одиночестве.

Никого не видно вокруг, тишина. Калитка заперта. Он просовывает руку через забор, открывает калитку, проходит между яблонь к маленькому дачному домику, в окошке которого светится огонек. В крохотной кухне мать, стоя на стуле, поднимает на шкаф корзину с яблоками. Яблоки кучками высятся на столе, на тумбе, на полу.

– Прекрати работать, – тихо говорит Алексей, – сколько

можно…

Мать вздрагивает от испуга и тут же, узнав голос, спрыгивает со стула и подходит к окну:

– Спасибо, что приехал…

Они обнимаются.

– Отец лег пораньше. У него целый день давление зашкаливает…

– Чего с ним?

– В издательстве очередной скандал, а он все-таки – псих, ты его знаешь… Ой, не хочу рассказывать! Есть будешь?

– Не, я сыт… Рюмку нальешь?

– Не поверишь – нету! – Мать всплескивает руками. – Отец на нервной почве последнюю допил… Завтра надо идти в магазин. Ах ты, господи…

– Сходим, не переживай…

– Немыслимый урожай яблок в этом году. Куда их девать – неизвестно. Я запарилась. Все знакомые получили по кошелке…

Алексей берет яблоко из кучки, она его останавливает:

– Погоди… Это симиренка, а я тебе белый налив даю…

Алексей смачно откусывает яблоко:

– Шикарно…

Елена Михална приглядывается к Алексею, садится и закуривает сигарету:

– Слушай, мне не нравится, как ты выглядишь… У тебя на работе неприятности?

– Да так, ерунда… Все нормально.
– Защита будет?
– Как назначено – тринадцатого сентября…
– Слава богу… А барышня твоя где?
– Уехала… В командировку.
– Ну, у вас с ней все нормально?
– Все отлично. Не волнуйся…

Занимается рассвет. Алексей в трусах сидит у окошка кухни на раскладушке и смотрит в сад. Встает, бросает взгляд на часы – без десяти шесть. Ложится на раскладушку, укрывается, отворачивается к стенке. Через мгновение вскакивает и садится.

Невеселый взгляд его уперт в пол. Он закуривает, берет со стола приемник "Спидола" и, включив его еле слышно, приникает ухом, ищет "Голос Америки". Находит.

И цепенеет, идет передача из Праги – туда вошли русские танки.

Как был, в трусах, он осторожно заходит в тесную спальню родителей, присаживается со стороны отца, шепчет:

– Батя, вставай…

Отец не сразу поднимает голову и обалдело моргает, уставясь на него:

– Откуда ты взялся?

– Вставай. Танки в Праге…

Федор Николаевич сбрасывает одеяло.

Приемник включен на полную громкость. В эфире репортажи с мест сменяют сообщения об аресте членов правительства, интервью с пражскими жителями. Отец и сын оба сидят, приткнувшись к радио, оба в трусах, оба курят.

– Ты же был в Праге?

– Мы в Праге войну закончили… – По лицу Федора Николаевича проскальзывает тень улыбки. – Чудный город… Он же целый был, его не бомбили, что по тем временам была большая редкость…

На кухню заходит мать в халате и сразу начинает кричать:

– Куда же ты куришь, старый хрен! Совсем хочешь концы отдать? Сейчас же погаси сигарету!

– Утихомирься…

– Вы оба – нормальные? Вы бы хоть штаны надели! Радио орет на весь дом, спать не дает! Что тут у вас происходит?

– Спокойно, мам… – говорит Алексей и надевает брюки. – В Праге танки…

– Наши? Какой ужас!.. – Мать меняется в лице. – Бедные чехи!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.